

Социально-экономическая генетика Н.Д. Кондратьева

Александров Н.Н.

Близкий друг (с 1903 г.) П.А. Сорокина, с которым они почти десять лет прожили в одной комнатенке в студенческие годы, Н.Д. Кондратьев вошел в историю науки, и его имя носят знаменитые циклы ("циклы Кондратьева"!).

Им обоим повезло в студенческие годы с учителями (М.И. Туган-Барановский, Л.И. Петражицкий, А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Ковалевский, в некотором смысле – В.М. Бехтерев). Окончив университет с дипломом первой степени, молодой Кондратьев становится, по нашим понятиям “аспирантом”, и публикует свою первую книгу, построенную на материале земской статистики. Почти сразу же он погружается в бурную общественную жизнь того времени, заведует статико-экономическим отделом Земского союза, становится ученым секретарем Социологического общества.

Революционные события втягивают его в политическую орбиту: после февраля 1917 года у А.Ф.Керенского появились два секретаря: секретарем по делам науки стал П.А. Сорокин, по делам сельского хозяйства – Н.Д. Кондратьев.

В этот момент своей политической активности Кондратьев не бросает науку, а ориентирует ее на политические проблемы: он публикует важную работу по проблеме социализации земли, где отстаивает идею кооперирования и необходимость сочетания трех форм землевладения: государственной, кооперативной и индивидуальной крестьянской. В.И. Ленин откровенно писал, что именно земельной программе эсеров (а ее научно-идеологическим автором был Н.Д. Кондратьев) большевики были обязаны своим успехом в переломный момент 1917 года (“Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую и осуществили ее на практике”. – ПСС, т. 44, с 29–30.). Позаимствована большевиками у Кондратьева и идея

продразверстки, не слишком эффективно реализованная до этого Временным правительством.

После переезда в Москву, где ученые всегда отличались большей практичностью, путь питерского ученого определяется теперь уже новой плоскостью он вошел в круг ученых-аграрников экономической ориентации. К 1920 году Н.Д. Кондратьев становится директором созданного им Конъюнктурного института и одновременно профессором Петровской академии. Помимо этого, он начинает входить в рабочие органы правительства, являясь начальником управления сельхозэкономии и плановых работ Наркомзема и т.д. В печально известном потоке изгнаний 1922 года из страны были высланы его близкие друзья и единомышленники – П.А. Сорокин и С.Н. Прокопович. Оставшихся профессоров общего с Н.Д.Кондратьевым круга ожидала другая судьба: “шитое” дело, арест, тюрьма, расстрел или смерть в лагерях и изоляторах.

Первое десятилетие советской власти – самый главный период официального и публичного творчества Н.Д. Кондратьева. Его фундаментальная работа “Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции”, написанная в 1918-1919 годах и опубликованная в 1922 году, не потеряла актуальности и сегодня. В работе детально анализируется экономическая база происходивших в аграрном секторе процессов, где дореволюционная капитализация “по прусскому типу” не дала ожидаемых результатов, а для перевода на “американский путь” отсутствовала законодательная база. При всем том, что предвоенная Россия была первым поставщиком зерна, эффективность производства в этой сфере оставалась самой низкой среди крупных европейских держав и США. Н.Д. Кондратьев изучает “анатомию системы снабжения”, какой она стала в самый сложный период войн и революций. Цель этой книги – раскрытие прямых и косвенных способов *государственного регулирования* снабжения армии и населения хлебом, причем делается это в книге на материале трех периодов – первых лет мировой войны, периода от февраля до октября 1917 и первых лет

советской власти. Книга содержит не только совершенно уникальный фактический и аналитический материал по экономике России того времени, но и концентрирует весь передовой арсенал методов исследования, имевшийся к тому моменту в экономической науке.

Уже в данной работе определились воззрения Кондратьева на мировой рынок и включенность в него национальных рынков, на конъюнктуру, колебания цен, географическое строение цен, стоимость производства и т.д. Он мастерски прослеживает все те особенности, которые вносят в картину экономики война, разруха, паралич транспорта и изменение доминант в нем, обилие спекулянтов и мешочников, обесценивание бумажных денег и т.д. Даже в мирное время при ровном течении экономических процессов задача моделирования экономики представляется очень сложной, а в тех непрерывно меняющихся условиях она была сверхсложной; тем не менее Н.Д. Кондратьев точно вылавливает из *кажущегося хаоса происходящего* тенденции, закономерности и возможности для управления процессами. По иронии судьбы, эта уникальная книга сохранилась лишь в двух экземплярах – в спецхране Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина и в личной библиотеке В.И. Ленина в Кремле. Вождь большевиков, о чем свидетельствуют его биографы, книгу Н.Д. Кондратьева прочел очень внимательно и не раз к ней обращался, но это автора от последовавших репрессий не спасло.

Динамика рыночных процессов, вся сложнейшая сеть связанных хитросплетений экономического механизма, представленная в его монографии, доказывали, что слом механизма рынка приведет лишь к дезорганизации и что альтернативой дикому рынку может стать рынок регулируемый. В 1923 год на повестке дня встал вопрос о планировании развития сельского хозяйства – и здесь теоретический аппарат Н.Д. Кондратьева трансформировался в практику государственного управления. Он становится автором “сельскохозяйственной пятилетки Кондратьева” – первого в истории перспективного пятилетнего плана, касавшегося сельского и лесного хозяй-

ства. Его постулаты о необходимости научного плана-прогноза, неукоснительного следования законам экономики, о равновесии между земледелием и промышленностью, о государстве как органе планового регулирования рынка до сих пор сомнению не подвергаются, ибо подтверждены временем и мировой практикой. В условиях НЭПа к идеям Кондратьева первоначально относились скорее нейтрально, хотя Земплан и Президиум Госплана положительно оценили его пятилетний план, но продолжалось это недолго, пока общая ситуация в стране не выровнялась. Ведущая идея Кондратьева о *плане-прогнозе* фактически опередила свое время почти на столетие: мы только приближаемся к осознанию необходимости такого подхода, а в условиях достигнутых "пределов роста" он вообще становится единственно возможным. Надо отметить, что дуализм плана и прогноза, генетических детерминант и телеологии в управлении стал тем полем, на котором разыгрались многие драмы XX века.

Давно известно, что волюнтаристы органически не выносят генетиков, а экономист Н.Д. Кондратьев быстро вырос из незаурядного классического экономиста до социогенетика. "Пятилетка Кондратьева" реализована не была, поскольку уже в 1927 году нетерпеливые вожди большевиков начали насаждать административно-командную систему, противником которой Кондратьев был еще и до революции. На этом этапе обрывается научная и административная карьера Н.Д. Кондратьева – и его фамилия начинает фигурировать в обвинительных текстах, начиная со статьи Зиновьева и кончая приговором суда и требованием Сталина (в письме к Молотову) расстрелять Кондратьева. Теория больших волн (циклов) конъюнктуры, сегодня известная во всем мире как "теория волн Кондратьева", стала одним из пунктов обвинений против ученого. Его искренняя ориентация на связь науки с потребностями жизни и практики обернулась против него: научная борьба в тот момент перешла в сферу чистой политики, а здесь Сталин избавлялся не только от прямых, но и от любых потенциальных конкурентов, а в особенности – идеологов.

Идеологией Кондратьева была наука. Его экономическая генетика явно доказывала, что у капиталистической экономики есть потенциал для дальнейшего развития и, что кризисные явления неизбежно сменяются подъемами. Говоря о генезисе капитализма, он отмечает: "...наши выводы совершенно индифферентны к пессимизму или оптимизму". Между тем уже во второй половине 20-х годов появились идеологические постулаты сталинизма: *теория перманентной революции* декларировала *автоматический крах капитализма*. Сталин решил сам повелевать не только страной, но и историей, но его повеление относительно немедленного краха капитализма упрямая история исполнять не захотела. Историческая правда в конечном итоге осталась на стороне Кондратьева, но тогда, в условиях невиданной идеологической травли, ни Н.Д. Кондратьев, ни тысячи других ученых доказать уже ничего не могли, да и некому больше было доказывать: под гильотину пошли не только бывшие противники большевизма, но и ее бывшие идеологи и теоретики.

Диагноз происходившему тогда в стране Н.Д. Кондратьев ставит точный: "было бы ошибкой категорию знания бессознательно заменять категорией веры". Отныне и надолго он – "защитник кулачества, "апологет капитализма" и "вульгарный экономист". В 1928 г. выходит последний выпуск "Вопросов конъюнктуры", Н.Д. Кондратьева снимают с поста директора Конъюнктурного института, а в 1930 г. "буржуазные" профессора Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и ряд других крупных ученых попадают в руки ОГПУ. Имя Н.Д. Кондратьева исчезло из советской печати почти на 60 лет – до реабилитации в 1987 году. Но оно никуда не исчезало из мировой науки, и посмертная слава его выросла настолько, что вытравить его тоталитарным идеологам не удалось, напротив, оно приобрело ореол мученичества.

Как только появилась малейшая возможность, труды Кондратьева вернулись к нашему читателю. Но, к сожалению, начавшаяся работа по донесению наследия Н.Д. Кондратьева до наших современников пока не

завершена, хотя создан фонд Н.Д. Кондратьева и в стране регулярно проводятся Кондратьевские конференции, публикуются их материалы и сборники.

Циклы Кондратьева

Теория больших циклов конъюнктуры была сформирована Н.Д. Кондратьевым в середине 20-х годов. Изучая закономерности устройства рыночного хозяйства, Кондратьев привлек огромный статистический материал за несколько столетий и на его основе сделал выводы о динамике мирового экономического процесса (в ракурсе "конъюнктуры"). При анализе основных показателей конъюнктуры с конца XVIII века, Кондратьев выделил три больших цикла. Мы представляем их на схеме (вписанной сразу же и в систему менее известных "столетних циклов Кондратьева").

Но сначала – одно замечание. Нам представляется, что стабилизированные (равномерные и симметричные) циклы всегда отражают некоторое временно стабильное состояние общества. Например, приводимые ниже циклы Кондратьева отражают такой этап стабилизации, когда в трехсотлетнем цикле капитализма ведущим и резонансным стал столетний цикл.

Сначала дадим небольшие комментарии по поводу терминологии и приводимой ниже схемы. То, что Н.Д. Кондратьев называет "повышательной" и "понижательной" волнами, есть результат взаимодействия дополнительных 50-летних циклов (и это хорошо видно на схеме под пунктом 3). Способ изображения волн дан в принятой нами графической системе (она несколько иная, чем в первоисточнике, но суть ее полностью сохранена).

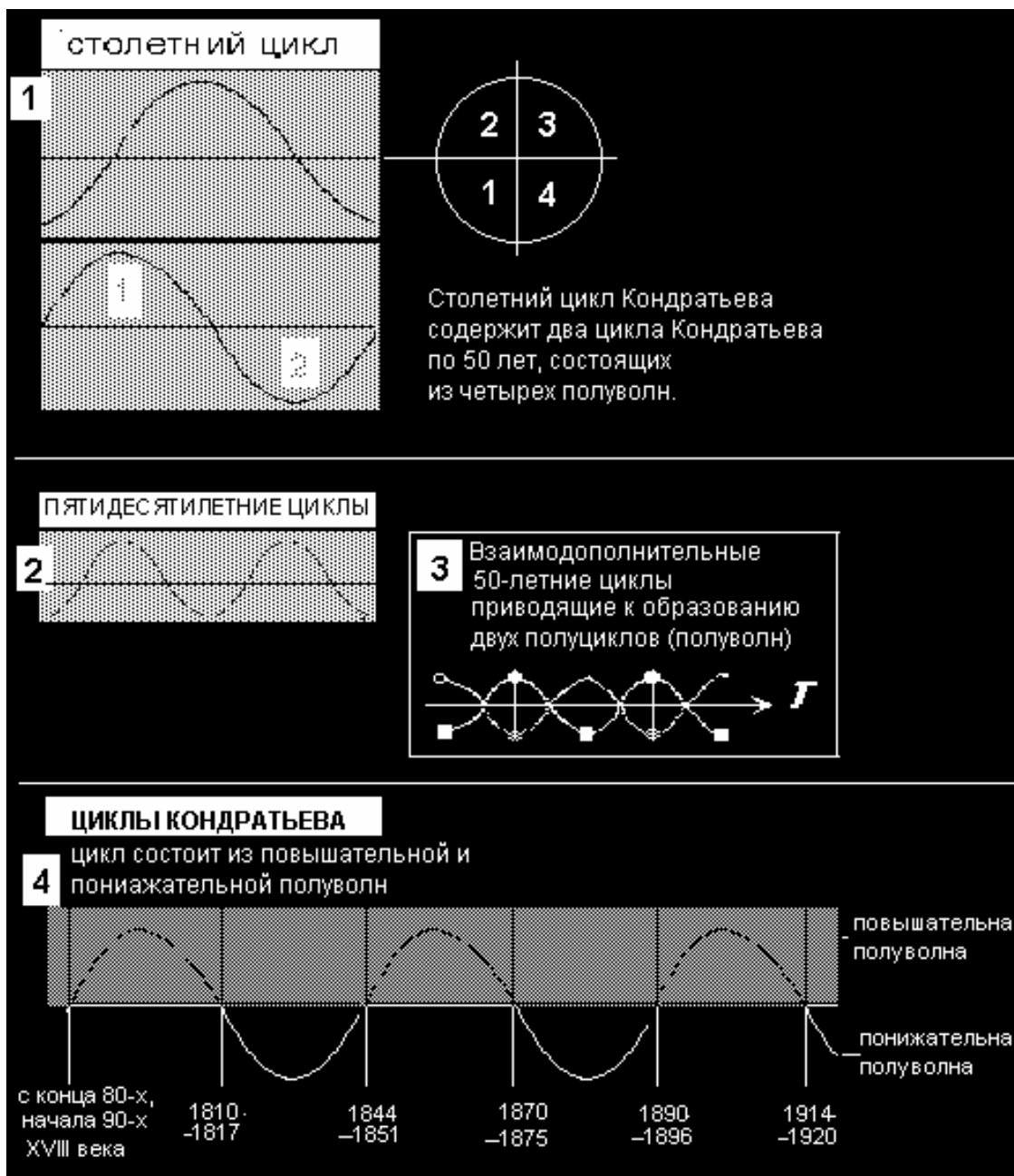

Рис. 1.

Первый цикл:

– *повышательная волна*, с конца 80-х – начала 90-х годов XVIII века до 1810–1817 гг.;

– *понижательная волна*, с 1810–1817 гг. до 1844–1851 гг.

Второй цикл:

– *повышательная волна*, с 1844–1851 гг. по 1870–1875 гг.;

– *понижательная волна*, с 1870–1875 гг. по 1890–1896 гг.

Третий цикл:

– *повышательная волна*, с 1891–1896 гг. до 1914–1920 гг.;

– *вероятная понижительная волна*, с 1917–1920 гг.

В ходе исследования этих циклов Кондратьевым был обнаружен ряд характерных закономерностей.

Во-первых, *“перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества”* – значительные изобретения, ведущие к глубоким изменениям техники производства, изменения техники обмена, условий денежного обращения, усиление роли новых стран в мировой экономике и т. д.

Во-вторых, *“периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижительных волн”*.

В-третьих, *“понижительные волны этих циклов сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства”*.

В-четвертых, *“средние циклы, приходящиеся на понижительный период большого цикла, должны характеризоваться длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов, средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами”*.

“...Развитие понижительной волны постепенно приводит к образованию предпосылок нового длительного подъема, – отмечает Н.Д. Кондратьев. – *Подъем этот, разумеется, не является необходимостью.* Органические изменения самой системы народного хозяйства могут вообще деформировать характер экономической динамики. Но если таких изменений не произошло, то за понижительной волной последует подъем. Новый цикл не повторяет предыдущего в точности, так как народное хозяйство в конце первого цикла

находится уже в новой фазе своего развития. Однако общий механизм нового цикла в основном считается прежним.

Если использовать нашу системогенетическую терминологию, то Н.Д. Кондратьев работал в тройной альтитуде (надсистема, система, подсистемы). Он выделил не только 50-летний (50-60 лет), но и столетний цикл.

Из литературы возникает впечатление, что есть только один "цикл Кондратьева" (и равен он 50-60 годам). Между тем это не так, что видно и на нашей схеме: Н.Д. Кондратьев применил *систему взаимосвязанных циклов* (долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных, а в принципе он мыслил более широкой альтитудой, периодически вводя туда и более длинные, и более короткие циклы), причем он и его последователи проиллюстрировали ее действие на примере циклов изобретательской деятельности и в нововведениях, в материальном производстве и сфере обращения, в политической жизни, войнах и революциях. Этим его теория выгодно отличается от воззрений О. Шпенглера и А. Тойнби, которые либо однолинейны, либо применяют несвязанный ряд циклов, о чем говорилось выше.

Общеметодологическое отступление

Выскажем попутно общеметодологическое замечание, имеющее прямое отношение к интересующей нас теме столетней цикличности. Подробнее данная тема будет развита в следующей книге.

В используемой нами модели цикла в любом цикле можно выделять как четные (в простейшем случае – парные), так и нечетные (в простейшем случае – трехфазовые) членения. Парные деления цикла (типа $100 : 2 = 50$ лет) имеют определенный смысл: они хорошо "работают" при объяснении циклических особенностей или общественного базиса (*экономические* циклы у Кондратьева), или связанных с ним уровней надстройки (*инновационные* циклы науки, циклы научных открытий, изобретений и т.п.). Причина и следствие здесь очевидны: импульс идет *из мира идей*, а "живет" на этих

идеях до их полного исчерпания *связанная с материей* экономика (жизнь экономического цикла есть энергетический импульс: это – жизнь информации, воплощенной в вещество). Примерно та же ситуация наблюдается в мире фундаментальной науки (полувековые волны, о которых мы неоднократно упоминали при анализе истории системогенетики) и в мире искусства (полувековые волны в архитектуре, музыке и изобразительном искусстве) о которых пишет О. Шпенглер, В.М. Петров и целая группа современных авторов. Объяснительной моделью в большинстве случаев служит парный индикатор, который способен принимать множество оттенков, например "левополушарная – правополушарная активность". Нам представляется, что такого рода антропоморфное объяснение парности упрощает ситуацию. Живет общество, вполне самостоятельный субъект, и если следовать тезисам социальной психологии или если принять общественный интеллект в трактовке А.И. Субетто как состоящий из *рациональной и иррациональной* компонент, то можно сказать: перед нами в столетии будут два дополнительных 50-летних цикла (полуциклы столетнего цикла): один – с доминированием рационального и второй – с доминированием иррационального начала (об этом маятнике писал еще Фукидид). Первый такой полуцикл – интегративный моноцикл, второй – дифференцирующий полицикл (гетероцикл).

Но Кондратьев говорит еще и о двух фазах ("повышательная" и "понижательная") внутри 50-летнего цикла; таким образом, в столетии мы можем наблюдать уже 4 разные малые волны. Типологическая четверка – это заверченный классиологический модуль, обладающий минимально возможной типологической полнотой. В свете данного тезиса вполне закономерно, что теория Кондратьева сконцентрировала и эскизно связала *все идеи* огромного поля экономической генетики. В новом системогенетическом цикле (при возрождении его идей в 70-90-е годы нашего века) его теории развиты, приспособлены, адаптированы и домыслены во всем возможном разнообразии областей применения. И точно то же произошло в

нашем веке со всеми гениями 20-х и их идеями. И точно то же мы можем наблюдать в любом столетнем цикле (с учетом специфики самих столетних циклов, ибо по плотности информации начало нашего века можно сравнить лишь с началом века XVII-го, а его судьбу – с научной судьбой века Просвещения).

Значит ли это, что нечетное (тройное) членение цикла хуже или дает не столь точный прогноз? Ничего подобного: просто тройная и любая нечетная фазовость описывает иное – сам процесс жизни, а не *доминантное влияние обусловивших его причин или основные типы*. В диалектической тройке появляется то, что невозможно в пределах дуальной формальной логики: момент, фаза, когда присутствует "и то, и другое". Причем фаза эта связана с категорией особенного, самой богатой системным разнообразием ("прекрасное"). Рациональные перекосы 20-х и иррациональные перекосы нашего времени никогда не достигнут того синтеза, который был получен в 60-х годах нашего века (но это – особая тема, требующая доказательств, и мы обратимся к ней позже). Нам важно указать, что только одновременное сочетание, одновременный взгляд на цикл *и со стороны четности, и со стороны нечетности* дает полноту понимания циклических особенностей. Относится это в том числе и к экономической динамике: мы считаем, что теорию Кондратьева вполне можно дополнить со стороны нечетных фаз, надо только понять, *что живет*. Вполне очевидно, что триада, применяемая, например, П.А. Сорокиным, освещает ту же проблему социальной динамики, но уже с позиций другой проекции цилиндрической спирали.

* * *

Обратимся к трехмерной модели цилиндрического цикла, где трехмерная и двухмерные модели поданы рядом:

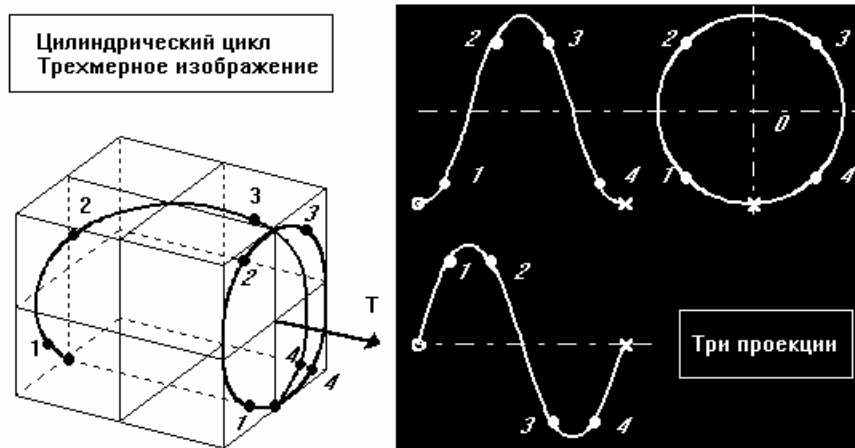

Рис. 2.

В изометрии мы получаем три плоскости, которые соответствуют трем проекциям спирали – по нумерации. Плоскости – части объемного параллелепипеда, и в этом своем качестве они вписаны в определенные границы. Три плоские проекции цилиндрической спирали имеют в науке свою *неявную* специфику. Перед нами на обеих проекциях – один и тот же цикл, но сознание как бы разводит специфику проекций: проекция 1 выступает как качественная (цикл вообще и его качество), проекция 2 – как количественная (возможность расчленить цикл и обнаружить морфологию). Проекция 1 демонстрирует нам *цикл как волну*, цикл при этом можно членить как угодно. При наличии оси времени в изображении возникают три зоны (что подсознательно влечет за собой идею использования нечетных рядов применительно к этой проекции).

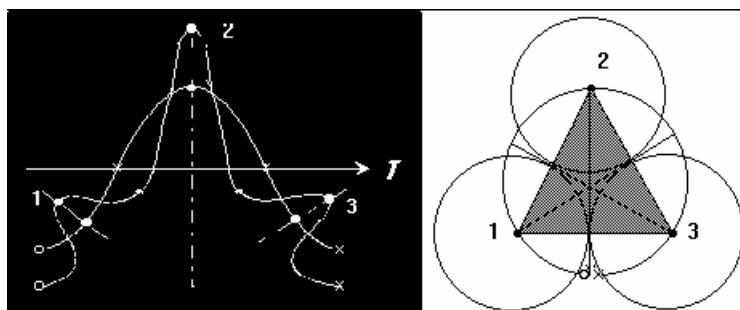

Рис. 3.

Нижняя проекция четко симметрична и более приемлема в графическом виде для выражения идеи четных рядов. Она расчленена на две

половины и легко членится на четыре. Сразу видно, что она полностью совпадает с приведенной выше схемой четырех кондратьевских циклов в столетии: в рамках одного столетнего цикла на этой проекции выделяются два взаимообратных 50-летних цикла.

Третья, круговая, проекция – *общая плоскость* для двух проекций, *на которую сносятся* (и на которой соединяются) взаимосвязанные членения с двух проекций. Она служит местом для построения множества статических типологий (классиологических, или таксономических построений). Мы можем отразить эту специфику третьей плоскости на схеме в виде двух типобразующих *осей количества и качества*. Соединение количественного и качественного измерений (мера как единство количества и качества) и наличие предельных состояний того и другого (наличие парности и пределов, то есть "границы") порождают универсальную полноту четырех "типов". Эти "типы" (они же четыре "волны" в столетнем цикле, они же "четвертьвековые циклы", или фазы) и есть структура кондратьевского построения. Она абсолютно точна.

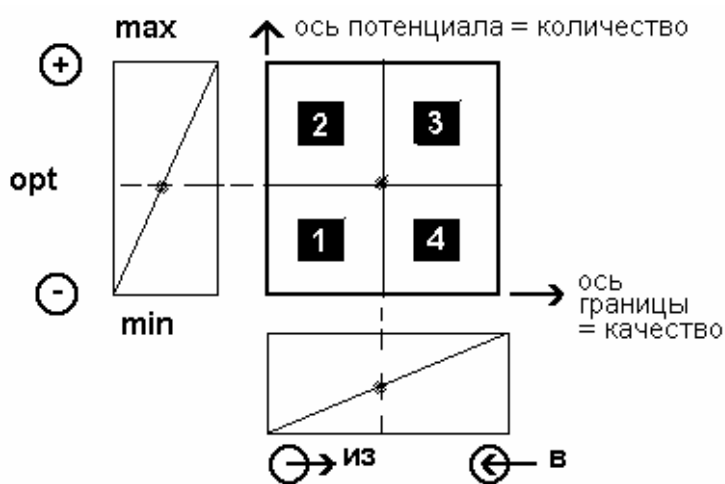

Рис. 4.

Специфика третьей, круговой, проекции цилиндрического цикла – в отсутствии вектора времени, он становится точкой в центре круга. Уже это позволяет назвать круговую проекцию (и третью плоскость изометрического параллелепипеда) “статической плоскостью проекций”. Соответственно, плоскости 1 и 2 – динамические проекции цикла, обладающие своей

спецификой. Мы имеем как минимум три варианта возможного описания цикла:

- динамическое качественное описание (плоскость 1);
- динамическое количественное описание (плоскость 2);
- статическое качественно-количественное (мера по определению) описание (плоскость 3).

Можно провести аналогии с тем, что у Кондратьева названо "статика, динамика и генетика" (хотя срез у него совершенно иной).

Но вот что интересно: четыре полуволны, о которых пишет Кондратьев в пределах столетнего цикла, представляют собой четыре типологически отличимые фазы конъюнктуры. Их описание применительно к политике и социуму в целом еще до революции дал А. Панченко, отождествляя их с годовыми сезонами. Еще при одном "шаге раздвоения", восьми циклах, мы получаем цикл, приближающийся к 12-летнему юпитерианскому циклу, известному в восточной астрологии с древнейших времен.

Циклика на основе трех фаз, которую используем мы, приводит нас к 11-летнему базовому циклу, циклу солнечной активности. При этом работает пара из двух других индикационных шкал.

В любом варианте (при использовании плоских проекций спирали) мы имеем сцепление, связанность двух противоречий, но только в объемной модели можно обнаружить *связанность всех трех вместе*, совокупно.

Система *трех индикационных шкал* в форме противоречий на схеме выглядит так:

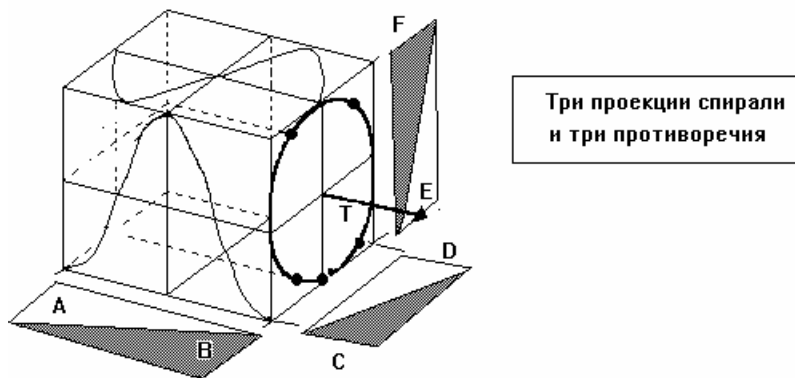

Рис. 5.

Почему же Н.Д. Кондратьев избрал именно парную проекцию? Таков его материал, его объект исследования (общественный базис).

Но вернемся из областей методологии к исторической судьбе кондратьевского учения. Вероятно, и у Кондратьева были предшественники, особенно много их появилось через полвека, когда эту тему разработали на Западе. Сейчас упоминают отдельные идеи ван Гельдерена, де Вольфа и ряда других ученых. После общего исторического обзора мы с вами можем насчитать еще пару десятков подобных авторов, если зададимся такой целью. Между тем методология Кондратьева абсолютно нова и быстро выросшая научная школа при нем развила ее во всех тех направлениях, которые сейчас только осмысляются. Кстати, работы авторов этой школы часто заслуживают куда большего внимания (в силу очевидной фундаментальности), чем их более поздние и более популярные западные аналоги. Стоит отметить, что сотрудник Н.Д. Кондратьева выдающийся математик Е.Е. Слуцкий еще в 1926 году публикует фундаментальнейшую статью по методам моделирования циклического развития, а другой его сотрудник – Т.П. Райков – написал статью о долгосрочных и среднесрочных циклах в динамике научных открытий в физике еще в 1929 г., задолго до Т. Куна и Дж. Бернала.

Почти ровно через один 11-летний солнечный цикл (так же, как это было с развитием в новой упаковке идей О. Шпенглера у А. Тойнби) Й. Шумпеттер в своем двухтомнике "Экономические циклы" (1939) снова вводит те же три типа циклов, присваивая название "кондратьевского" цикла только долгосрочному (50-60 лет); среднесрочный отныне стал циклом Жугляра, а краткосрочный – циклом Китченера. Продолжением этих идей первой волны стали работы У. Митчела, который подробно рассматривает механизмы работы экономических циклов, и еще целого ряда ранее упоминавшихся авторов.

Но настоящий бум "открытия Кондратьева" на Западе начинается с кризиса, который он предсказал: возрождение интереса к циклам Кондратьева произошло ровно через один "цикл Кондратьева". После розового

оптимизма, основанного на расцвете "общества потребления" 50-60-х годов капиталистическая экономика закономерно вступила в кризисную полосу 70-90-х, перешедшую в глобальный экономический кризис. Книжная волна началась с известной работы середины 70-х Г. Менша "Технологический пат: инновации преодолевают депрессию", после которой на Западе ежегодно выпускалось несколько монографий и проводились ежегодные конференции. Основные положения волновой теории Кондратьева нашли продолжение в концепциях трансформации (того же Й. Шумпеттера, К. Кларка-Ж. Фуастье, У. Росту, Ж. Эллюля, Дж. К. Гелбрейта, хорошо известного у нас З. Бжезинского). Не лишено оснований отнесение к тому же руслу воззрений Д. Белла, Э. Тоффлера, Дж. Несбита, А. Алхиана, Р. Нельсона, С. Винтера. Экономическую сторону циклов рассматривает А. Клайнкнехт, отражена она также в ряде работ, выпущенных под редакцией Т. Вашко. Проблема длинных волн в экономике получила продолжение в прошлом десятилетии и у нас в стране – в книгах В.И. Маевского, С.М. Меньшикова и Л.А. Клименко ("Длинные волны в экономике", 1989). Проблематика критических точек и уровней, циклов и их измерения рассмотрена в работах А.В. Жирмунского и В.И. Кузьмина (1990). Но в целом "кондратьевская литература", изданная в нашей стране невелика: из нее едва ли наберется небольшая книжная полка, включая переводы.

Если говорить о государственном интересе, то наша страна отозвалась на процессы, уже происходящие в мире, с опозданием на два десятилетия. После реабилитации три книги Н.Д. Кондратьева вышли в СССР одна за другой в 1989-1991 годах, причем одна из них – абсолютно уникальная. Это – никогда ранее не публиковавшееся сочинение Н.Д. Кондратьева "Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз". Книга (точнее – незавершенная рукопись) писалась им в Бутырской тюрьме в период с 1930 по 1932 годы. В этой фундаментальной работе поставлена задача создания единой системы теоретического знания об обществе. Она

представляет собой методологическую часть общего замысла, необычайно обширного по возможным воплощениям.

В суздальском изоляторе была написана еще одна (до сих пор не найденная) рукопись по проблемам динамики расширенного воспроизводства. В ней был выработан абсолютно новый аппарат (построенный на синтезе математики и экономики) теории экономической динамики, теории тренда, сформирована *макромодель экономической динамики*; это свое достижение обычно скромный в самооценке Кондратьев считал открытием "в полном смысле слова". Экономисты особо отмечают его взгляды и исследование категорий рынка и товара, взгляды на теорию цены и равновесия товарного рынка, условия динамического равновесия спроса и предложения, формирование цен равновесия, влияние монополий на рынок и цены. Он поставил перед собой задачу построения *синтетической теории социально-экономической генетики*, где по-новому связывались проблемы наследственности и изменчивости.

* * *

Как тут не сравнить трагическую судьбу Николая Кондратьева с судьбой его друга юности – Питирима Сорокина, ставшего признанной мировой величиной и создавшего свою интегративную социологию. По масштабу замысла работа Кондратьева ничуть не уступает многим талантливым томам его друга юности. Отметим же одну характерную особенность, как-то проскользнувшую мимо внимания исследователей творчества этих двух авторов-друзей. В процессе обсуждения методологии в самый ценный период ученичества они оба, видимо, пришли к единой точке зрения на методологию социального исследования и затем последовательно реализовывали ее *в двух разных вариантах* всю жизнь. Особую ценность в этом методологическом ядре представляют понятия о социальной статике, динамике и генетике. Практически авторство (соавторство) термина "социогенетика" принадлежит двоим, хотя и разделенным океаном, лишенным переписки, но следующим параллельным путём.

Судьба Н.Д. Кондратьева – один из вариантов судьбы гения в условиях тоталитаризма: умер в сталинских застенках. Чуть больше повезло его современнику А.Л. Чижевскому: он выжил в лагерях и конец жизни прожил на родине в полном забвении.

* * *

Обращение к кондратьевской теме актуально сегодня по очень простой причине: к 2020 году завершается пятый цикл Кондратьева.

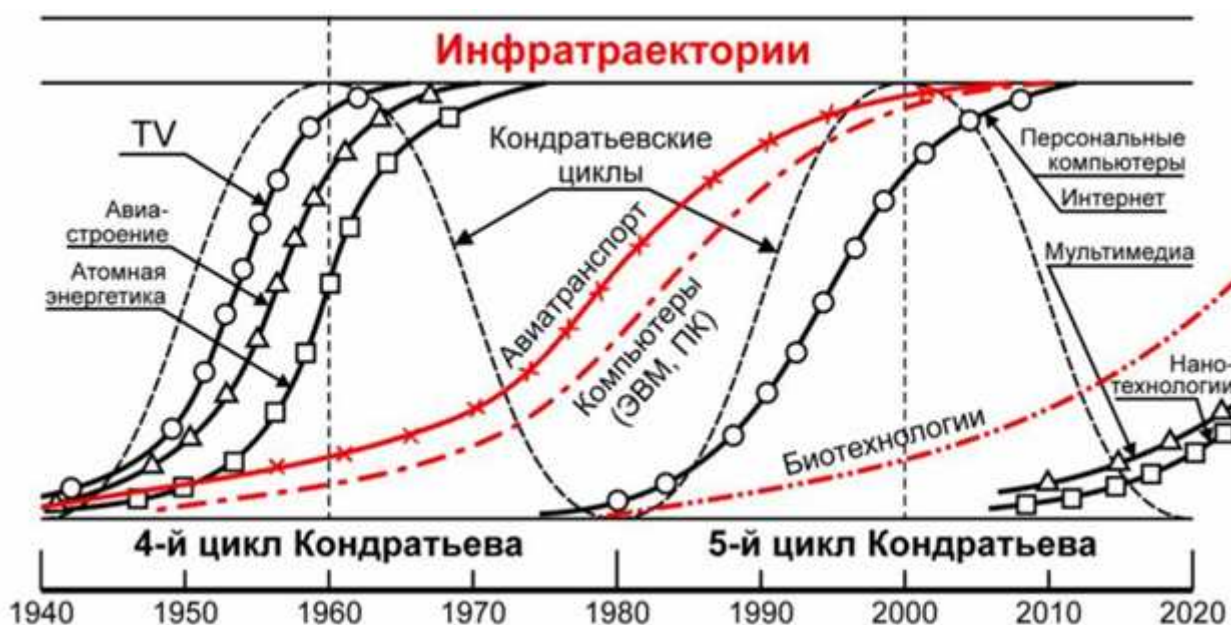

Рис. 6.